

ВАЛЕРИЙ
КОНОВАЛОВ

ПРИСЛУГА ЛЮЦИФЕРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Коновалов

ПРИСЛУГА ЛЮЦИФЕРА

«Автор»

2026

Коновалов В.

ПРИСЛУГА ЛЮЦИФЕРА / В. Коновалов — «Автор», 2026

Как оказалось, любовь, передающаяся по наследству - это чертовски опасное явление...

© Коновалов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Валерий Коновалов

ПРИСЛУГА ЛЮЦИФЕРА

Как оказалось, любовь, передающаяся по наследству - это чертовски опасное явление...

Дом полыхнул неожиданно, соседи спохватились поздно, и пока ехали пожарные, от него остались лишь закопчённые стены. После пролива пепелища, внутрь вошли эксперты, чтобы попытаться определить причину возгорания, и первое, что они обнаружили - два обгоревших до неузнаваемости трупа. Тела лежали так, словно и не было никакого пожара, как будто эти два человека просто уснули, крепко сжимая друг друга руками, так и не ощутив на себе смертельное прикосновение безжалостного пламени.

- Так кто ж всё-таки сгорел? - поинтересовалась одна из припозднившихся соседок, когда обугленные головешки, бывшие когда-то людьми, укладывали в чёрные мешки.

- Да кто его знает, - вздохнула одна из женщин. - У Олега, после того как мать умерла, часто всякий сброд собирался. Пили, курили всякую дрянь, самогонку варили, орали как резанные. Он говорил, что это музыка.

- Антихристы они, - вмешалась третья, и перекрестилась, - Люциферами себя называли, прости господи.

- Откуда такие знания, Петровна?

- На клубе когда-то афишу видела. Рокеры, мать их. Вот и доигрались.

Беседу всезнающих старушек прервала остановившаяся рядом с ними огромная чётная машина, окно открылось и из него выглянул водитель.

- Дамочки, это улица Ленина?

- Да, - взбодрились соседки, уставшие обсуждать случившееся. - А кто нужен?

- Дом 123 ищу. В какую сторону ехать?

- А уже приехал, касатик. Вот он, дом 123, - с лёгкой иронией в голосе произнесла самая боевая из старушек, и указала на пепелище.

Водитель выскочил из машины, и попытался прорваться внутрь сгоревшего дома, но пожарные и милиционеры скрутили его и оттащили в сторону.

- Мужик, ты немного опоздал, - грустно вздохнул участковый...

К полуночи работы закончились, территорию пожарища обнесли жёлтой предупреждающей лентой, и все собравшиеся, продолжая обсуждать пожар, не торопясь разошлись по домам. Осталось лишь журналистов и худощавый человек со странной причёсками, облачённый в кожаную куртку с вышитым на спине черепом и надписью «Прислуга Люцифера». Он стоял, понутив голову и рыдал, размазывая слёзы по грязному лицу. Участковый пытался его прогнать, но был послан так далеко, что, покраснев, отошёл в сторону и больше его не беспокоил.

Глава первая

Сегодня, впервые в жизни, Алиса соврала родителям, сказав, что после урока в музыкальной школе хочет сходить в ДК и записываться в изостудию.

- Ма, ты же всегда говорила...

И действительно, в отличие от мужа, Кристина была далека от этого, и ей хотелось, чтобы дочь познала все прелести владения магией цвета и композиции.

- А во сколько тебя забрать? - спросила она, вспомнив, что на пять записалась на стрижку.

- Это же рядом, в ДК "Металлист". Даже дорогу переходить не нужно. И я уже не маленькая, мне скоро двенадцать. Сама вернусь.

- Ладно. Только осторожно, ни с кем не разговаривай, а то по парку шатаются разные, - Кристина посчитала, что этого предупреждения вполне достаточно, чтобы успокоить себя и обезопасить дочь.

- Спасибо, мамулечка! Не волнуйся, всё будет хорошо, - радостно зашебетала девочка, повиснув у неё на шее.

Алиса показалось, что урок длился вечность. Прилежно извлекая звуки из своей скрипки, она ежесекундно поглядывала на часы, висящие на стене, но стрелка ползла невыносимо медленно. Наконец, всё закончилось... Уложив инструмент в футляр и чопорно попрощавшись со строгой учительницей, она выбежала на улицу. У неё было ещё пятнадцать минут.

Все подходы в Дому Культуры были заполнены странными людьми в кожаных косухах и затёртых до дыр джинсах, все они были лохматы, пьяны и окутаны клубами сладковатого дыма, который извлекался из передаваемых из рук в руки папирос. И вся эта вибрирующая и напряжённая людская масса издавала невообразимый гвалт, который распугивал вышедших на вечернюю прогулку пенсионеров и мамаш с колясками, дефилирующих по аллеям парка. Алиса с трудом протиснулась сквозь эту толпу, и незаметно прошмыгнула мимо дежуривших у входной двери милиционеров. Она быстро поднялась по ступенькам и постучала в дверь кинопроекторной.

- Дядя Ваня, это я, - запыхавшись произнесла Алиса.

- Заходи, дочка. Скоро начнётся, - вздохнув, ответил старик, одетый в чёрный сатиновый халат поверх костюма. - Я уже подготовился, ждал только тебя.

- А вы не забыли о том, что я просила?

- Конечно не забыл. На столе лежит.

Он запер дверь, извлёк из металлической коробки кусочки воска, размял их шершавыми пальцами, воткнул в уши и расслабленно опустил в потёртое кресло, которое долгие годы, пока не пришло в негодность, ласкало директорский зад. Девочка, не обращая внимания на старика, торопливо сняла куртку, и подвинув к стене тяжёлую табуретку, взобралась на неё. Прямо перед её глазами было квадратное окошко, в которое дядя Ваня, в обычные дни, следил за тем, как идёт показ фильма. Сейчас, сквозь него был виден весь зал и сцена, на которой вместо белого полотнища киноэкрана красовался огромный банер, сшитый из нескольких простыней, с нарисованными на нём кровавыми глазами, какого-то мифического чудовища, и этот взгляд проникал в самую душу. Алиса поёжилась, мурашки пробежали по всему телу, но она не отвернулась, а лишь крепче вцепившись в края проёма, продолжала неотрывно следить за человеком, который вышел из-за кулис и стал перед микрофоном. Он поднял руку, и зал моментально стих, безропотно повинувшись ему. Он простоял так больше минуты, упиваясь своей властью, а потом резко опустил руку вниз... Его пальцы коснулись струн, и в ту же секунду раздался неимоверный грохот, от которого содрогнулись стены, задрезбуждали на полках металлические бобины с фильмами, а подстаканник, запрыгав по столу, грохнулся на пол.

- Началось, - обречённо проворчал дядя Ваня, поглубже затолкав восковые затычки.

Алиса простояла не шелохнувшись до тех пор, пока не стих последний протяжный звук гитарной струны, а когда зал взорвался воплями и свистом, она прыгнула с табуретки, схватила со стола сложенный в четверо плакат, не забыв при этом про скрипку, и чмокнув в лоб спящего дядю Ваню, выбежала через другую дверь в коридор. Она знала каждый закуток этого здания и её целью было закулисье, поскольку через зал пробиться к сцене было невозможно, там шла настоящая война между беснующейся толпой и хлипким кордоном милиционеров, выстроившихся у первого ряда. А ей очень нужно было попасть на сцену. Алиса была уверена, что второго такого шанса приблизиться к своему кумиру у неё больше никогда не будет. Она держала в голове именно слово - "кумир", потому что о чём-то другом боялась даже подумать. А бессонные ночи, мокрая от слёз подушка и исписанная стихами тетрадка, в расчёт не брались. Это была её страшная тайна... Это была её первая любовь.

Каждые выходные Алису водили в парк, покататься на каруселях, поесть сладкой ваты, покормить голубей и напоследок, посмотреть мультики в кинозале Дома культуры. Последнее ей очень нравилось. Все мультфильмы, которые здесь показывали она знала наизусть, поэтому забавляла себя тем, что, задрав голову, наблюдала за лучом света, который расширяясь, тянулся от задней стены к сцене. И по тому, как вибрировал этот луч, становясь то светлее, то темнее, Алиса могла угадывать, что происходит на экране. А ещё интересно было следить за пылинками, плавающими в голубоватом мерцающем потоке, а уж когда в него попадала обезумевшая муха, начинался настоящий аттракцион с проносящейся по экрану гигантской тенью. Но больше всего она любила, когда папа покупал билеты на последний ряд, тогда можно было забраться на сиденье, и даже на подлокотник, и вытянув руку, погрузить её в луч света, и на экране появлялась её собственная тень, которой она могла управлять. Именно так Алиса познакомилась с дядей Ваней, человеком, который управлял тем самым волшебным светом, превращающим белое полотнище экрана в живые картинки.

Она не заметила, как в темноте, мягко ступая и инстинктивно пригибаясь, хотя чего было пригибаться, это же последний ряд, прокрался какой-то человек и больно вцепился в её ухо.

- Ну вот я и поймал нарушительницу порядка, - прошептал он, ещё сильнее прокручивая пальцы.

- Ой! Пустите..., - тихо взвизгнула Алиса, присев от боли.

Спасти её было некому, папа остался в буфете, посчитав, что дочь достаточно взрослая, чтобы посмотреть мультики без него, а вот свежее пиво ждать не могло. И девочка мысленно распрощалась с жизнью, ну или, как минимум, с ухом.

- А ну ка, пойдём со мной, - приказал страшный человек, разжав пальцы.

Они поднялись по лестнице, что скрывалась в темном углу зала, и вошли с комнату, напоминающую фантастическую лабораторию, с двумя огромными металлическими механизмами, которые громко гудели и вращали какие-то колёса. От каждого механизма отходила труба, вставленная в небольшое отверстие в стене, именно оттуда и исходил тот самый волшебный свет.

- Это что? - восторженно спросила Алиса, вертя головой и потирая покрасневшее ухо.

- Кинопроекционная. Отсюда демонстрируется кино, - попытался объяснить человек.

Он оказался не таким уж и страшным. А наказание за баловство было справедливым.

- Извините, что я мешала вам демонстрировать кино, - улыбнувшись, произнесла Алиса, почувствовав, что находится в безопасности. - А как вас зовут?

- Иван Иванович, но можешь называть меня просто дядя Ваня.

- Хорошо, дядя Ваня, а меня...

- А я знаю, как тебя зовут, - перебил её киномеханик. - Алиса.

- Откуда?

- Я всё знаю и всё вижу, - старик указал на стену. - Вот окошко, которое помогает мне знать о моих зрителях всё. Кто когда приходит и с кем, на каком месте любит сидеть и что любит смотреть.

- А что я люблю и с кем сегодня пришла? - лукаво усмехнувшись, спросила Алиса.

- Ты всегда ждёшь новый выпуск "Весёлой карусели". Все остальные мультики знаешь на память, поэтому даже не смотришь их. А пришла ты с папой. Он сейчас в буфете, пьёт пиво.

- А вы ему расскажете?

- Зачем? Я же вижу, что ты хорошая девочка. Пусть это будет нашей тайной. А за ухо прости, если было больно.

- Ничего страшного. Сама виновата.

Кинопроекторный аппарат загудел ещё громче, дядя Ваня подошёл к нему, нажал какую-то кнопку и тот стих. После этого старик снял с него бобину с плёнкой и уложил в металлическую коробку.

- Всё, дочка, сеанс закончился. Иди в зал, а то папа будет волноваться.

- А можно мне в следующее воскресенье зайти к вам?

- Конечно. Мы же теперь друзья.

Алисе нравилась эта тайна, а папе нравилось, что ему не нужно сидеть в зале, когда есть возможность выпить пивка. Это была их общая тайна, они договорились, что она не расскажет маме об особенностях их походов в кино, а в ответ пообещал, что каждые выходные будет водить дочку в парк и покупать для неё билет на последний ряд.

Так Алиса стала частым гостем в волшебном мире дяди Вани, и уже очень скоро помогала ему; раскладывала бобины с фильмами и собирала с пола вырезанные кусочки плёнки. Это случилось, когда киноаппарат, по какой-то причине останавливался, прожигая её. В это время на экране появлялась умопомрачительная по своей красоте картина, с растекающимся по кругу цветными пятнами, публика начинала свистеть, визжать и кричать "Сапожник!". Дядя Ваня быстро отрезал прожжённые фрагменты, склеивал плёнку и снова запускал аппарат, в зале моментально наступала тишина.

Было ещё одно дело, которым занимался киномеханик - он создавал афиши для новых фильмов. Нет, старик не умел рисовать, просто в его распоряжении был ещё один необычный аппарат, в который укладывалось какое-либо изображение, и оно проецировалось в увеличенном виде на загрунтованный белилами подрамник. Достаточно было обвести эту картинку карандашом, а потом раскрасить, и всё - афиша готова. Не всегда получалось точно, но зритель был милостив.

- Не тот фильм пошёл, - ворчал дядя Ваня, раскрашивая очередное изображение. - Только в видео салоне показывают что-то интересное, а мне одно старье привозят. Но разве в салоне увидишь что-то. Телевизор такой маленький, не то что мой экран. Загнётся скоро кинотеатр... Загнётся... Представляешь, в следующую пятницу вместо фильма в моём зале будет играть какой-то ансамбль. Вот рисую их афишу и страшно становится. Какая-то "Прислуга Люцифера"... Знаешь?

- Нет. Я таких не слушаю, - равнодушно ответила Алиса, отбирая для своей коллекции новые кусочки киноплёнки. - Мне нравится Деш Мод и INXS.

Но любопытство, всё же, взяло верх, и прыгнув со стула, она подошла к дяде Ване. Одного взгляда на картинку, лежащую в проекционном аппарате, было достаточно, чтобы её маленькое сердечко бешено заколотилось... Он был божественно красив и адски брутalen; длинные, слегка вьющиеся волосы, пронзительный взгляд и тело настоящего атлета, испещрённое множеством татуировок, и самое главное - он был как две капли воды похож на обожаемого ею Майкла Хатченса из группы INXS

- Это кто? - пытаюсь быть равнодушной, спросила Алиса.

- Я же сказал тебе, какой-то ансамбль. У нас будут выступать. А у главного прозвище Тесак. Ты что не слушала меня?

- Слушала, но забыла, - задумчиво ответила девочка, не отрывая взгляд от изображения.

- Дядя Ваня, а можно я потом этот плакат заберу?

- Без проблем, только афишу закончу.

- Не забудь... Мне очень надо.

Целую неделю Алиса провела в трепетном ожидании, то и дело поглядывая на вырезки из музыкальных журналов, которыми была обклеена стена над кроватью. Удивительным образом её мифическая девичья любовь вдруг превратилась в осязаемую. Оказалось, что заокеанский кумир не просто существует в её мечтах, а вполне реален и живёт неподалёку, а через несколько дней вообще окажется рядом. Алиса, конечно, верила в чудеса, и ещё не списала со счетов Деда Мороза, поэтому была уверена - всё, что случилось, это неспроста. Она полежала ещё немного, боясь спугнуть своё счастье, после чего достала из-под подушки тайную тетрадку и записала новый стишок про любовь...

За кулисами было темно и очень пыльно. Грохотавшие в течение часа мощные колонки, своей неистовой вибрацией подняли её вековые залежи. Алиса чихнула, и стараясь не дышать, вышла на сцену. Луч софита ослепил, она прищурилась и прикрыла лицо рукой. И вдруг, мимо неё пробежала курица, у которой вместо головы зияла пульсирующая рана, из которой фонтаном била кровь. Алиса от испуга отшатнулась, вступила в кровавую лужу и истошно завопив, грохнулась на пол. И без того возбуждённая публика, уже почти прорвавшая милицейский кордон, восторженно взвыла. Это было даже круче, чем то, как Тесак секундой ранее перегрыз этой курице горло. Он всё ещё стоял, театрально выпучив глаза, весь измазанный кровью и сотрясал куриной головой. Но публика уже переключилась на Алису, посчитав её появление частью шоу, и он подыграл толпе, поднял девочку и вернулся вместе с ней на своё место.

- Ты кто, дитя? - крикнул Тесак, и голос его был страшен.

- Я Алиса. Пришла взять у вас автограф, но испугалась, - ответила она, прижавшись губами к микрофону.

Всё это время девочка не выпускала из рук кофр со скрипкой и плакат.

- Я смотрю ты тоже музыкант?

- Да, я играю на скрипке.

- Удиви нас. - Тесак бросил взгляд в толпу. - Хотите настоящей музыки?

Толпа одобрительно взвыла. Тесак поставил Алису на пол, помог ей достать скрипку и пока девочка готовилась, наклонил микрофон поближе к ней.

- Паганини. Каприс №24, - снова прикоснувшись губами к микрофону, произнесла Алиса, и ей показалось, что потолок в зале сейчас рухнет, такой была ответная реакция публики.

Тесак поднял руку, и тут же наступила мёртвая тишина. Смычок заскользил по струнам... И началась настоящая магия... Сотни обдолбанных маргиналов, только что жаждущих крови, неистово орущих и готовых убивать друг друга, вдруг преобразились. Нет, внешне они остались прежними маргиналами, но вот глаза... Глаза стали другими, в них появилось какое-то сияние... А может быть это были просто слёзы.

Рыдал и дядя Ваня, который выбежал из будки, чтобы помочь Алисе, и замер на лестнице, услышав её музыку. Его помощь была не нужна, девочка сама овладела толпой и подчинила её себе. И вот, совсем тихо и даже робко зазвучала бас гитара, стараясь попасть в ритм великого произведения. Тесак, словно находясь в каком-то оцепенении, поднял с пола свою гитару и тоже начал аккуратно подстраиваться под мелодию, а когда включился барабанщик, Паганини обрёл совершенно иные краски. Финал был по-настоящему фееричным, с длинным гитарным

соло, и это были те несколько секунд, когда Алиса, опустив скрипку, с обожанием следила за каждым движением своего кумира... Пусть будет именно так - кумира.

- Дядя Тесак, а автограф! - крикнула Алиса уже в коридоре, когда музыканты ушли со сцены.

- Ах да! Пойдём к нам.

- А вы ещё будете у нас играть?

- Не знаю, разрешит директор или нет. Думаю, после сегодняшнего концерта, зал не скоро восстановят. Эти уркоганы столько кресел поломали. Но одно могу сказать тебе точно, у нас теперь здесь репетиционная база. Мы на год вперёд оплатили комнату в подвале.

- А как же зал?

- Отремонтируем. Не в первый раз.

- Так что приглашаю тебя к нам на репетиции. Может что-то вместе замутим. Мне понравился сегодняшний сейшен. Жаль на скрипке играть не умею.

- А я на гитаре, - улыбнулась Алиса.

- Хочешь научу?

- Ещё бы. Я маме уже соврала, что сегодня записываюсь в изокружок. Смогу легально раза два в неделю приходить в ДК.

- А ей не понравится, что ты будешь брать у меня уроки игры на гитаре? - удивился Тесак.

- Наверное, нет. Она у меня строгая. Не любит такое, - и тут Алиса спохватилась, взглянув на часы, что висели в коридоре. - Мне пора домой, а то достанется от мамы за опоздание.

- Ну давай пять, коллега, - он расставил пятерню, на которой ещё оставались следы куриной крови.

- А зачем вы курицу убили? - не удержалась Алиса, хлопнув своей ладошкой по его ладони.

- Таков жанр. Это же хэви металл! Нужен постоянный треш, и не только в музыке. Оззи и не такое выделял на сцене.

- Так, когда мне приходить на занятия?

- Давай во вторник и четверг. Устроит?

- Но только чтобы закончить до шести вечера.

- Договорились.

И Алиса, развернувшись, быстро зашагала к выходу.

- А автограф?! - донёсся издали голос Тесака.

- Забыла... Вот дурочка...

Она вернулась и разложила на подоконнике плакат.

- Вот здесь, пожалуйста, - указала место Алиса, чтобы тот не расписался на своём лице, и подумав немного, спросила. - Дядя Тесак, а как вас зовут по-настоящему?

Он оглянулся по сторонам, и наклонившись, почти шёпотом, произнёс:

- Олег... Но только никому не говори.

- Могила, - также таинственно ответила счастливая девочка.

Алиса вбежала в подъезд, и немного постояла внизу, пытаясь отдышаться. Ещё минута, и мама начала бы волноваться, но звонок в дверь раздался именно тогда, когда волнение только начинало формироваться, где-то очень глубоко внутри.

- Тебя можно поздравить? - спросила Кристина.

- Да. Всё отлично. Записалась. Занятия по вторникам и четвергам, - Алиса взяла маму за руку и крепко сжав её, взмолилась. - Только можно я буду ходить туда сама? Обещаю, всё будут нормально. Как сегодня.

- Я подумаю. И с папой нужно посоветоваться. Это же будние дни. Мы на работе до семи.

- Я в шесть уже вернусь. Буду вас ждать. Чай приготовлю.

- Так хочется научиться рисовать?

- Очень хочется, мамочка.

- А как дела в музыкальной школе? Будешь успевать?

- Всё хорошо. Могу показать тебе Каприс №24 Паганини. Учительница сказала, что у меня получается.

Алиса достала скрипку и приложив её к шее, занесла смычок над струнами. В это мгновение Кристина заметила какое-то бурое пятно на руке дочери.

- Что это? - озабоченно спросила она.

- В краску вляпалась, - не моргнув соврала Алиса.

Она уснула только к утру, бесконечно прокручивая в голове прошедший день, вспоминая каждый взгляд и каждое слово этого человека, такого страшного на вид, но такого, как оказалось, доброго. Он был прощён ею даже за убийство несчастной курицы... Интересно, а как далеко убежало обезглавленное тело и что подумает тот, кто найдёт его. Это показалось даже немного смешным. Все восторги и трепетные воспоминания перемежались записями в тетрадке. Стихи рождались сами собой, такие романтические и одновременно с этим грустные, ведь она была не дурочка и прекрасно понимала, что эта любовь бессмысленна, нереальна, невозможна и даже опасна. Ну и пусть, решила Алиса, она всё равно будет делать так, как подсказывает ей сердце, а оно бешено колотилось, заставляя тело трепетать от предвкушения скорой встречи. Это счастье продлится ещё целый месяц, который показался ей вечностью...

В воскресенье, когда Алиса, уже привычным способом, попала в кинобудку к дяде Ване, где всегда было чем заняться, она не находила себе места, ведь снизу доносились приглушённые звуки, а это означало одно - он тоже здесь.

- Дядя Ваня, а можно я прогуляюсь по клубу? - спросила девочка, пытаясь быть равнодушной и спокойной.

- Я тебя и не держу. Если интересуется что-то другое, иди, с богом.

- А вы не обидитесь?

- Вот ещё. Справлялся же я как-то без тебя, - улыбнулся старик. - Только не забывай, сеанс заканчивается через сорок минут.

- Я помню... Успею..., - рассеянно ответила Алиса, и открыла дверь.

- Постой! - крикнул дядя Ваня, снимая с руки свои часы. - Вот, возьми. Они точно идут, с самой войны.

- Спасибо. Вы настоящий друг.

Алиса постояла немного под дверью репетиционной комнаты, дожидаясь пока хоть на минутку, стихнет грохот. Признаться честно, хэви металл ей не очень нравился, вернее совсем не нравился, ну разве что лирические песни, такие грустные и такие длинные, и обязательно про несчастную любовь. Надо будет расспросить, подумала она, а была ли у него такая любовь или всё опять напридумывал. Вот она пишет стихи, когда всё по-настоящему, тогда и слова сами собой складываются в красивые фразы и легко рифмуются. С первых дней, как Алиса завела свою секретную тетрадку, она записывала в неё самое сокровенное, и очень боялась, что мама найдёт её, прочтёт и узнает о всех тайнах дочери, поэтому прятала её, всякий раз, в новом месте. Однажды так перестаралась, что сама несколько дней не могла найти тетрадку, и с облегчением вздохнула, обнаружив пропажу в углу комнаты, под линолеумом.

Наконец, стало тихо, и Алиса, постучавшись, приоткрыла дверь.

- Заходи, Лисёнок, - услышала она приветливый голос Тесака, который за мгновение до этого истошно вопил, чуть ли не выхаркивая собственные внутренности. - Хотя, сегодня же нет занятий.

- Я просто так... Послушать, - соврала она.

- И как тебе наша новая композиция?

- Аж мурашки по коже.

- Это хорошо или плохо?

- Пока не знаю... Я ещё не определилась. И слушала не сначала. И ничего не поняла. Опять про Люцифера и ужасы всякие.

- Не угадала. Это песня про любовь, - рассмеялся Тесак, и что есть силы ударил по струнам.

Алисе показалось, что у неё с головы сдует все волосы, такой силы была звуковая волна.

- Завязывай, оглушишь малую, - донёсся из-за спины женский голос, и девочка, вздрогнув от неожиданности, оглянулась. Перед ней стояла настоящая оторва, по крайней мере именно так она себе и представляла оторв - высветленные перекисью волосы, стянутые на затылке в лошадиный хвост, чёрный контур вокруг глаз и яркие голубые тени на веках, в носу какая-то железная штука, чёрные ногти, на каждом пальце кольцо и кожаная куртка, под которой, возможно, больше ничего и не было, кроме сетчатых чёрных колготок.

- Познакомься, Лисёнок, это Чуча, наша нетленная муза, - представил даму Тесак.

Та наклонилась, чтобы поздороваться, и наружу чуть не вывалились её гигантские сиськи, которые сдержала лишь заклинившая молния. Такого Алиса никогда в жизни не видела. Она встречала, конечно, женщин с большой грудью, например у их учительницы по географии была не меньше, но чтобы вот так, нараспашку...

- А почему нетленная? - поинтересовалась девочка.

- А потому что она уже десять лет с нами... И днём, и ночью.

- Вы и ночью репетируете?

- Бывает, - заржал Тесак. - Правда, Дрыщ? Ты же любишь по ночам репетировать?

- И не стыдно вам, дуракам, издеваться над малой, - вступилась Чуча. - Она ваших салых намёков не понимает. Смотрю, манерам обучена, не то, что вы, быдлоки.

- Подбери слова, чувырла, - перебил её Тесак. - А то вмиг вылетишь отсюда.

- Прости, я не хотела обидеть, - изменив тон, заискивающе замурлыкала Чуча. - Как вы без меня? Кто вас будет кормить - поить? Кто тексты будет подгонять?

- Да хоть она. Лисёнок, ты стихи пишешь?

- Пишу, - опустив глаза в пол, чуть слышно ответила Алиса.

- Приноси в следующий раз, на музыку положим.

- А если не понравится?

- Не может не понравится.

А вот ей не понравилась Чуча. Эта размалёванная девица так смотрела на Тесака и так заискивала перед ним, что не оставалось никаких сомнений, она любит его. И явно заметила, влюблённость Алисы, иначе бы так не язвила. Хотя какая она соперница, старая совсем. Никаких шансов. Если за десять лет не смогла заставить любить себя, значит не сможет это сделать и в будущем.

- И, кстати, как тебе наши занятия? - Тесак прервал её размышления.

- Отлично всё, - ответила Алиса.

А что она ещё могла сказать, если этот час, проведённый рядом с человеком, без которого теперь не представлялась жизнь, прошёл, как в тумане. Что она могла запомнить, если думала только о нём и вздрагивала от каждого прикосновения его длинных пальцев, когда он показывал, как нужно правильно брать аккорд. Не смущало даже несвежее дыхание от выпитых сегодня пары литров пива, ведь ему можно было по статусу.

Поскольку дома гитары не было, Алисе приходилось тайком использовать скрипку, и та издавала зловещие звуки, непривыкшая к такому обращению. Было стыдно признаться, что она почти ничего не запомнила за время первого урока. И лишь самоучитель игры на гитаре, который она взяла в библиотеке, чуть-чуть помог разобраться.

Как ей хотелось поделиться своими чувствами, похвастаться внезапно нахлынувшей любовью, но подружки по школе ещё игрались в куклы, а родители вряд ли бы смогли понять, одобрить и принять. Отец сразу бы схватил ремень, а мама придумала бы для неё такое нака-

знание, что в следующий раз пришлось бы сто раз подумать, прежде чем влюбляться во взрослого, да ещё и такого. Оставалось всё таить в себе, незаметно для окружающих переживать и тихонько радоваться, а грустить и плакать только по ночам. Алиса понимала, что ещё маленькая, но ведь можно немного подождать, каких-то шести лет. Они пролетят так быстро, а потом будет только счастье. Не такое, как сейчас, а совсем другое, гораздо лучше... Уже взрослое счастье.

Как чудесны были все эти дни, и Алиса светилась от предвкушения новой встречи, вот и сегодня всё было так же прекрасно, как и раньше. Светило тёплое солнце, листья в парке приятно шуршали под ногами и казалось, что её ноги едва касаются земли. Она уже многое умела, появилась уверенность и гитарные струны престали противно дребезжать и зазвучали мелодично.

- Ещё десяток занятий, и я больше не буду тебе нужен, - произнёс Тесак, умильно любясь тем, как девичьи тоненькие пальчики ещё не совсем умело перемещаются по грифу, складываясь в замысловатые аккорды.

- А мне кажется, что ещё рано, - Алиса была настроена серьёзно, и не хотела даже слышать об этом. - Мне ещё учиться и учиться. Вы же не бросите меня?

- Не бойсь, Лисёнок, не брошу. А сейчас тебе пора, а то мама заругает.

- Ну тогда я побегу?

- Давай. На выходные придёшь на репетицию?

- Обязательно.

Она выбежала из комнаты, но буквально через минуту вернулась.

- Там ливень, - чуть не плача произнесла Алиса, - а у меня нет зонтика.

- Чуваки, у кого есть зонт? - крикнул Тесак.

- У меня, - нехотя ответила Чуча. - Могу дать, но только как мне домой идти по дождю.

- Давай сюда... Лисёнок, пойдём, я проведу тебя до дома и потом вернусь отдам тёте её зонт. Чуча, тебя такой вариант устраивает?

- Устраивает, - капризно ответила та.

- Погнали. Ты же недалеко живёшь?

- Сразу за парком, - ответила Алиса, почувствовав, как счастье нежно обнимает её и отрывает от пола.

А ливень был просто тропический, и Тесаку пришлось взять девочку на руки, чтобы та не промочила ноги. Она обвила его шею руками и прижалась щекой к плечу. Спасибо тебе, дождь, подумала Алина, и прикрыла глаза, чтобы сохранить в сознание сказочную картинку.

Кристина не смогла досидеть до конца рабочего дня, увидев какой за окном дождь. Она отпросилась у начальника, и поймав такси, помчалась спасать дочь. В холле ДК было пусто, лишь эхом разносился звук её шагов и храп дремлющего за стеклянной перегородкой вахтёра. Кристина постучала в приоткрытое окошко:

- Товарищ, подскажите, когда закончатся занятия в изостудии?

- Чего? - спросонья буркнул пожилой мужчина, потеряв кулаком глаз.

- Детишки ещё занимаются в изостудии?

- Нема у нас никакой изостудии, - недовольно ответил вахтёр.

- Ну как же нет. У меня дочка здесь занимается по вторникам и четвергам.

- Может и занимается, но только нема изостудии у нас. Танцы есть, народные инструменты есть, ещё рокитры какие-то. Може вы чё-то перепутали, дамочка?

- Да не перепутала я, - сорвалась на крик Кристина. - Девочка, двенадцать лет, джинсики, кофточка голубая и курточка красная. Зовут Алиса.

- А! То вы мама Алиски?! Так ушла она. Може пару минут назад.

- У неё же нет зонта! Она же промокнет и заболит! Куда вы смотрели?!

- Так она не одна пошла. С ней один из этих рокиров, лохматый такой. Так у него был зонт. Не убивайтесь так, мамаша, не промокнет ваша Алиска.

Кристина не стала дожидаться окончания тирады разговорившегося вахтёра, и выбежав на улицу, уселась в ожидавшее её такси. В квартире было пусто, и она, перепрыгивая через две ступеньки снова помчалась вниз, уже почти ничего не соображая. От сильного толчка, входная дверь резко распахнулась и чуть было не сбила с ног подошедшего к подъезду человека, тот чертыхнулся и опустил зонт... На руках у него была Алиса. Нужно было бы обрадоваться и поблагодарить за помощь, но Кристина оцепенела, не в силах произнести ни слова. Она смотрела в его глаза и этот взгляд был полон ненависти и непонимания. И только голос Алисы вывел её из транса:

- Мамочка, прости... Я не знала, что будет дождь. А дядя Олег помог мне.

- Дядя Олег..., - не отрывая взгляд от него, сквозь зубы процедила Кристина.

- Крис, я не знал..., - промямлил Тесак, виновато опустив голову.

- Алиса, быстро домой! - приказала она, и девочка моментально скрылась за дверью. - Какого хера ты здесь делаешь? Прочему ты с ней?

- Ты же видишь сама, привёл Алису домой. Я не знал, что она твоя дочь. Мы просто занимаемся.

- Чем вы занимаетесь?

- Я учу Алису играть на гитаре.

- Всё, обучение закончилось! Вали к своей Чуче. Она же с тобой? Всё ещё дрючишь её? И не дай бог, я узнаю, что снова встречался с Алисой, пожалеешь. Ты меня знаешь.

- Я тебе ещё раз повторяю, я не знал, что она твоя дочь. Пришла девочка, попросила научить её играть на гитаре...

- Заткнись! И вали! Я всё сказала.

Кристина развернулась, и со всей силы хлопнула дверью, постояла немного в сумраке подъезда, после чего присела, прижавшись спиной к батарее, и беззвучно заревела. А Тесак, опешивший от случившегося, угрюмо побрёл под дождём обратно, забыв, что у него есть зонт.

Разговор с мужем был короткий и скорее даже ультимативный.

- Мы переезжаем. Ищи варианты обмена квартиры. И постарайся не затягивать. Я со своей стороны подключу всех знакомых.

- Что случилось? Зачем эта спешка? Что тебя не устраивает в этой квартире? - удивился Матвей.

- Всё не устраивает. Во-первых, окружение. Ни одной нормальной рожи, одни алкаши вокруг. Во-вторых, я не хочу, чтобы дочь росла среди всего этого. Ей нужна нормальная школа, а не этот бомжатник.

- Может...

- Никаких "может". Сделай, пожалуйста, то, что я прошу. И быстро. Так будет лучше для всех.

После этого, Кристина зашла в комнату дочери. Алиса сидела за столом, и делала вид, что занимается уроками, хотя ждала, когда придёт мама и начнёт допрос.

- Зачем ты обманула меня? Неужели я так страшна, что нужно лгать? Почему не сказать напрямую, что хочешь играть на гитаре? Зачем выдумала эту изостудию?

- Ничего я не выдумывала, - начала оправдываться Алиса.

- Я была в ДК. Нет там никакого кружка рисования.

- Ну и что? А может мне просто хотелось побыть одной. Может быть, я устала от твоей опеки.

- Устала? Так вот, что я скажу тебе, дочь. С сегодняшнего дня ты наказана. И не просто наказана, ты отлучена от всего - ты лишаешься возможности выходить на улицу, звонить кому либо, смотреть телевизор.

- А как же школа?
- Никак. Я поговорю с классной руководительницей. скажу, что ты болеешь. Возьму задания на месяц вперёд. тем более в эту школу ты больше ходить не будешь.
- Почему?
- Мы скоро переезжаем в другой район.
- А если я не хочу учиться в другой школе и жить в другом районе! - вспылила Алиса.
- Кто тебя спрашивать будет! Отец уже занимается квартирным обменом.
- А как же музыка?! Я хочу продолжит заниматься на гитаре.
- О гитаре своей забудь в первую очередь. И об учителе этом недоделанном.
- Я не хочу о нём забывать! - заорала Алиса, и с кулаками набросилась на Кристину.

Глава вторая

Не каждый может похвастаться тем, что был когда-то счастлив. По большей части люди рождаются и умирают, так и не ощутив на себе чарующее прикосновение десницы, дарующей благодать. Но если случается нечто, то многие думают, что это просто какой-то прохожий случайно дотронулся, пробегая мимо, в лучшем случае не предадут этому значения, в худшем - обернутся, чтобы обматерить нахала.

Не известно, почувствовала ли Кристина что-то такое, но в одно солнечное воскресное утро она проснулась, как всегда, сложила в специальную чёрную папку ноты, которые стояли на пианино, и решительно вышла из дома.

Когда-то она не поступила в музыкальную школу, не сумев пропеть ни одну из предложенных нот и не повторив ни одну из простых мелодий, наигранных экзаменатором, поэтому мама нашла для своего чада преподавательницу, которая не без успеха вдавливала в девочку фортепианные премудрости, и к исходу пятого года обучения она уже могла играть сложнейшие сонаты Моцарта и Баха.

Муза Казимировна была из "тех", по крайней мере так говорили все вокруг. Она могла бы без проблем сыграть в кино, роль матери какого-нибудь белогвардейского офицера, сбегавшего во Францию, и в её квартире не нужно было даже менять интерьер - всё абсолютно соответствовало "той" эпохе, даже пианино, по бокам которого красовались два бронзовых канделябра с живописно оплывшими свечами. Оно не было чёрным, как все пианино, которые Кристина когда-либо видела. Оно было светло-коричневое, с потёртыми углами, с искусной резьбой и пожелтевшими клавишами, но несмотря ни на что звучало божественно.

Иногда она заставляла у Музы Казимировны настройщика, такого же, как и она, человека из ушедшей эпохи. Он, работая, с таким упоением вслушивался в каждую струну, что казалось, нет для него во всём свете большего наслаждения, чем этот тягучий звук.

- Останьтесь, Борис Яковлевич, - властно произнесла учительница, когда он начал складывать свои инструменты, - послушайте, как эта юная дева играет Сонату номер двенадцать фа мажор Моцарта. При этом взгляните на её пальцы. Это же не пальцы пианистки. Но играет, поганка, прекрасно.

И Кристина играла, так и не поняв, её снова обидели или ненавязчиво похвалили, но было приятно, когда Борис Яковлевич после того, как полностью утихал звук последней ноты, вставал и долго хлопал в ладоши.

- Муза Казимировна, вы гений, - глядя ей в глаза поверх очков, шептал он, вот-вот готовый прикоснуться своими пересохшими губами к её крепко сжатым и от того слегка сморщенным губам.

Кристина с трудом справлялась с рвотным рефлексом, поспешно собирала ноты, и не попрощавшись, убегала...

Маме очень хотелось, чтобы дочь играл на пианино, так же хорошо, как и её двоюродная сестра, живущая за стеной, что ей не жалко было ежемесячно вырывать из семейного бюджета 15 рублей на обучение, и потом с умилением слушать всю эту непонятную музыку, которая звучала в доме, когда Кристина репетировала. Хотя, пианино она купила только лишь для того, чтобы досадить ненавистой хохлушке-своячнице и доказать, что тоже что-то может. Потом была новая румынская стенка, цветной телевизор, и как апофеоз соперничества - новенькие "Жигули" голубого цвета. Так что дочь стала, скорее, заложницей в разгорающейся войне амбиций враждующей родни. Но разве она тогда это понимала. Она просто исполняла желание мамы. Исполняла, и при этом люто ненавидела то, что делала.

А как она рыдал, забившись под кровать, когда увидела, как вся уличная шпана, улюлюкая бежит за грузовиком, в кабине которого сидела её мама с гордо поднятой головой, а в кузове, перевязанный канатами, возвышался чёрный монстр, который на долгие годы станет её пыточной дыбой.

- Кристине пианину везут! - орала детвора, упиваясь предстоящим унижением.

Осознанно или не осознанно Кристина завалила тогда экзамены в музыкальную школу, никто не понял, поскольку она так искренне сокрушалась и даже ревела, уткнувшись матери в живот, когда экзаменационная комиссия объявила результаты, что не поверить в её чувства было трудно. Она, конечно, надеялась, что этот провал охладит родительский пыл и её оставят в покое, но ни тут то было...

Уже на следующий день к ним домой пришла противного вида тётка, и погладив ничего не подозревающую Кристину по голове, властно подтолкнула её к инструменту, уселась на чёрную вращающуюся табуретку и начала что-то играть, быстро бегая пальцами по клавишам.

- Хочешь научу тебя такому? - спросила она, больно сжав девочке руку.

- Нет, - ответила та, и высвободившись, попыталась убежать, но была перехвачена мамой в соседней комнате.

- Я для кого пианино покупала? - злобно прошептала она, держа дочь за ухо.

- Для себя, - решительно ответил Кристина, и рванулась так, что ухо чуть не осталось в маминой руке.

После этого инцидента все последующие уроки проходили под присмотром кого-то из старших, чаще всего бабушки, но Кристине всё равно удалось несколько раз так качественно спрятаться, перед приходом учительницы, что её долго не могли найти. Когда же все тайные места были раскритичены, она нашла последнее пристанище, забравшись внутрь пианино, предварительно открутив нижнюю панель, что возле педалей. Выбралась она оттуда, когда закончилась программа "Время", уже не было никакой возможности терпеть, очень сильно хотелось писать. Зато Кристина узнала много нового. Услышала, как родители ругаются, как плачет мама, пытаясь убедить папу, что всё это она делает ради будущего дочери, чтобы ей было легче жить потом.

- Чем поможет ей это пианино? - не унимался отец.

- А может она музыкантом станет и её по телевизору будут показывать.

- В этом смысл жизни?

- Ну да... Чтобы все видели и знали её, - расплылась в мечтательной улыбке мама. - Чтобы нам завидовали.

- Дура ты, - в сердцах произнёс отец, - а чем она на жизнь будет зарабатывать? Пиликаньем твоим? Или будешь её до смерти своей кормить?

- Может и буду. Главное, чтобы она была счастлива.

- Ладно, хватит тут рассуждать, иди на улицу, зови её домой. Точно гоняет с пацанами на пустыре, а мы тут как идиоты ищем её.

И тут Кристина не выдержала, толкнула ногами панель, скрывавшую её, та с грохотом отлетела в сторону, и девочка, вывалившись наружу, выбежала из комнаты. Мама с испугу истерично заверещала, не поняв, что это её дочь. Отец тоже ничего не понял, в комнате светился только экран телевизора, и рванул следом, схватив за шиворот беглянку у самой двери...

Так, ко всем позорам Кристины прибавился ещё один - она обписалась... И это в шесть то лет...

На следующий день вместо того, чтобы избавить дочь от мучений, было принято решение сменить преподавателя. Именно тогда в жизни Кристины на долгие годы появилась Муза Казимировна. На удивление, она сумела найти ключик, к бунтующей девичьей душе, и в какие-то моменты ей даже стало нравиться извлекать из пианино красивые мелодии, но это были

редкие вспышки ложного озарения, так и не переродившиеся в переосмысление своей ненависти к нотным знакам и чёрно-белым клавишам.

В один из дней, почувствовав, что девочка устала от скучных гамм и помпезных мелодий композиторов старой школы, учительница попросила её подвинуться, и размяв пальцы, заиграла какую-то шкодливую мелодию.

- Что это? - улыбнувшись спросила Кристина. - Вы и такое умеете играть?

- Это, юная леди, "Собачий вальс". Многие уверяют, что это мимолётный экспромт Фредерика Шопена, - откинувшись на спинку стула, пояснила Муза Казимировна, - великие музыканты тоже умели шутить. И заметь, талантливо шутить. Давай научу.

Позже, в редкие минуты наивысшего творческого единения, учительница садилась рядом с Кристиной и они в четыре руки начинали играть "Собачий вальс", всё ускоряясь и ускоряясь, пока в конце, пальцы уже просто не попадали на нужные клавиши, создавая невероятную какофонию, и игравшие, чуть не падали от хохота, так им это нравилось.

- А теперь чай, - распоряжалась Муза Казимировна, когда урок заканчивался.

Поначалу Кристина отнекивалась, стараясь как можно быстрее вырваться на волю, но однажды она всё же уговорила, заманив девочку крыжовниковым вареньем. Она никогда до этого не пробовала крыжовниковое варенье, только сами ягоды. В их дворе рос один куст, но из-за обилия колючек на ветках, был почти неприступен и от этого не снискал детской любви, в отличие от доступной шелковицы и черешни.

Кристина выловила ложкой из небольшой пиалы почти прозрачную ягоду, с опаской поднесла её ко рту и осторожно раскусила... Больше никогда и нигде она не ощущал этот божественный вкус, несравнимый ни с чем.

- Бери ещё, небось сейчас помчишься гонять по улице, - как-то по-матерински произнесла Муза Казимировна, - и чай пей.

Она, дунув в кружку, отхлебнула, и вопросительно посмотрел на учительницу.

- Это никакой ни чай.

- Ты так считаешь?

- Ну да. Дома и в школе чай, а это что-то другое.

- Скорее всего, юная леди, у вас дома и в школе подают что-то другое. А вот то, что сейчас пьёшь ты - это и есть настоящий Цейлонский чай. Поверь мне.

И вот теперь, когда позади было пять лет усердных занятий, по большому счёту не приносящих ничего кроме уныния, Кристина шла по знакомому маршруту, раз за разом проговаривая шёпотом фразу, которую придумывала несколько дней, и которую должна была сказать в глаза Музе Казимировне. Она был уверена, что после этого её жизнь изменится, станет лучше и интересней.

Кристина всегда ходила на занятия пешком, хотя можно было несколько остановок подъехать на трамвае, он как раз проезжал мимо дома учительницы, но идя пешком, можно было оттянуть время и даже опоздать, придумав очередную нелепую отговорку про бродячую собаку или сошедший с рельс трамвай.

Скрипучая дверь подъезда, кислый запах облупившихся стен и впереди восемнадцать ступенек, ведущих на второй этаж, к точке, где она должна сделать невозможное...

Кристина несколько минут простояла у двери, обитой коричневым дермантином, не решаясь нажать на кнопку звонка. Муза Казимировна давно заметила девочку с балкона, плетущуюся вдоль трамвайных путей, и сейчас смотрела на неё сквозь глазок, вспоминая какой та впервые пришла к ней - маминой толстушкой, откормленной и обласканной, и от этого податливой и послушной, но так ненавидящей музыку, а вместе с ней и её. Теперь же по ту сторону двери стояла почти оперившаяся девушка, готовая к тому, чтобы сделать новый шаг. Это чувствовалось. Главное, чтобы в нужном направлении двинулась, подумала учительница..., и в то

же мгновение раздался звонок. Муза Казимировна выдержала паузу, потом повернула ключ и распахнула дверь.

- Добрый день, Кристина, проходи. Я подготовила для тебя сюрприз.

Ей, действительно, Борис Яковлевич принёс вчера чудный клавир конца прошлого века, она разобрала его на партии, переписала, немного упростила, и эта композиция могла бы стать хорошим украшением окончания учебного года.

- Я не буду заходить, Муза Казимировна, - решительно произнесла Кристина.

- Приболела?

- Нет. Я вообще больше не буду приходить к вам.

- Почему? Тебе надоело заниматься со мной? Или я надоела?

- Нет, вы мне не надоели. Я просто больше не буду заниматься музыкой. Никогда! - она протянул ей папку. - Вот, возьмите ваши ноты,

- Кристина, ты пожалеешь об этом, - глядя ей в глаза сказала учительница.

- Не пожалею.

- Если я сейчас закрою дверь, то ты больше никогда не сможешь ко мне прийти. Понимаешь? Никогда.

- Я понимаю. Прощайте.

Она развернулась и побежала вниз, но остановилась у выхода и прислушалась - дверь всё ещё была открыта, это было понятно, поскольку из квартиры доносились звуки радио, которое никогда не выключалось, только на время занятий.

- Муза Казимировна! Закрывайте дверь! Пожалуйста! - крикнула Кристина, и расплакавшись, выбежала из подъезда.

Не так она представляла себе счастье освобождения из музыкального плена, но несмотря на слёзы и какое-то гнетущее чувство внутри, это событие стало её первым взрослым поступком, от которого и пошёл отсчёт её счастливой жизни.

И каждый раз, на протяжении многих лет, проезжая на грохочущем трамвае мимо дома Музы Казимировны, Кристина прислонялась лбом к стеклу и пристально всматривалась в её окна, надеясь увидеть за шторами знакомый силуэт, хотя прекрасно знала, что она умерла ровно через месяц после её ухода...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.